

Субъективный фактор победы России в 1812 году

В последнее время поиск причин победы русского народа в 1812 году вновь приобрел актуальность¹. А.И. Попов, к примеру, склонен суммировать целую совокупность причин, составлявших равнодействующую величину, не рискуя выделить решающий фактор. Между тем выделение объективных причин (и даже признание их решающего значения) относится к давно преодоленным тривиальностям западной историографии. Если брать военно-материальную сторону событий, то явный перевес был на стороне Наполеона (численность войск, их боевая выучка, наличие «пятой колонны» в западных губерниях Российской империи, их природные ресурсы и материальные запасы).

Собственно говоря, в предыдущих войнах наполеоновской армией был накоплен богатый опыт угнетения и порабощения мирного населения завоеванных стран. Опыт испанской гверильи, хотя и беспокоил императора, но, в целом, не вызывал особенного беспокойства. Испанские вооруженные силы не представляли особенной опасности, и французский император небезосновательно рассчитывал постепенно урегулировать ситуацию политическими методами. Естественно, что Наполеон невысоко оценивал и русского простолюдина. Впоследствии он даже признавался, что был вынужден сдерживать этих «рабов» и отказаться от повторения пугачевщины ввиду «дикости» населения.

В подобных заявлениях содержался элемент страха перед народной стихией, но одновременно сквозило пренебрежение возможным союзником и признание его «неуправляемости», что, конечно, доставляло завоевателю сильную озабоченность, но, в целом,

никогда не выдвигалось им в качестве серьезного фактора, поломавшего его планы. Следует признать, что в советской историографии значение партизанского движения преувеличивалось, недостаточно учитывалось влияние на него местных властей и русского военного командования.

Единственным серьезным фактором, с которым считался Наполеон, и сокрушить который он стремился в первую очередь, была русская армия. Неуклонное преследование русских войск вглубь России было связано, помимо прочего, и с надеждой завоевателя на ослабление их морального духа, появление атмосферы уныния от длительного отступления. За редкими исключениями (о чем речь пойдет ниже) эти расчеты не оправдались.

Русская армия в 1812 году предстала на редкость сплоченной и организованной силой, в основной массе охваченной высоким патриотическим чувством. Русское офицерство, в главной своей части, считало принципиальным вопросом низвержение наполеоновского господства. Эти настроения широко распространились после заключения Тильзитского мира, который общество сочло унижением России. К новой войне готовились активно и самозабвенно.

Уже в 1811 году верховное командование привело в боевую готовность западные округа, в срочном порядке формировало на границе новые боеспособные части. Это был тот, довольно редкий в истории России период, когда быстрый карьерный рост сопутствовал действительно талантливым, храбрым и инициативным офицерам, прошедшим неоднократное боевое крещение. На командные посты было назначено много сравнительно молодых генералов. Зачастую при назначении корпусных командиров генерал-лейтенантам отдавалось предпочтение перед «полными» генералами.

Вблизи границы царя обстановка настоящего ажиотажа. 1811 год верховное командование провело в лихорадочных приготовлениях к войне. Проводилось перевооружение, наращивался военный потенциал. Рассматривались и достаточно широко обсуждались различные варианты стратегического плана. В свите Александра I и военного министра разрабатывалась концепция войныⁱⁱ. Попытка выдвинуть на руководящие посты видных сановников и представителей царской семьи (одно время великий князь Константин Павлович объединял под своим командованием несколько крупных соединенийⁱⁱⁱ) в конечном итоге была отвергнута и командование было поручено боевым генералам.

Армии и корпуса тасовались как колода карт. Эти организационные изменения объясняются неустойчивостью стратегических планов, а также переменами во внешнеполитической обстановке и разночтениями в анализе разведывательных данных, не позволявших точно определить направление главного удара противника. Причем царь и военный министр держали свои планы в глубокой тайне, что оставляло крупных военачальников, в том числе и командующих армиями в неведении относительно характера предстоящей войны. Вместе с тем предвоенная лихорадка создавала и некоторый эмоциональный подъем, когда каждый военачальник сохранял уверенность, что его личные задумки могут найти применение.

Происходила постоянная ротация кадров. Так М.С. Воронцов возмущался: «Коллюбакин, теперешний мой дивизионный командир, Палицын, мой бригадный командир, будут жить к несчастью нашему 20 лет, и вся армия знает, что они дураки и трусы»^{iv}. Но вскоре сам

Воронцов превзошел своих бывших начальников и стал командующим элитной гренадерской дивизией. Надо сказать, что в армии практически не было даже намеков на пораженческие настроения.

Позволю себе сделать небольшое отступление. Зачастую в западной, а отчасти и в отечественной литературе, превозносят наполеоновских маршалов. Существует громадное количество литературы на эту тему. Русским генералам повезло гораздо меньше. На защите своей диссертации я привел фразу Наполеона о Н.Н. Раевском: «Этот генерал сделан из того материала, из которого делаются маршалы». Мой оппонент профессор В.В. Пугачев заметил, что «это вовсе не похвала. Французские маршалы были слишком скованы авторитетом Наполеона. Наши же генералы не боялись никого, в том числе собственного начальства»^v. Примером удачного противостояния можно привести множество: А.П. Торماسова – Ж.-Л. Ренье и К. Шварценбергу, П.И. Багратиона – Жерому Бонапарту и Л.-Н. Даву, П.Х. Витгенштейна – Л.-Г. Сен-Сиру, М.А. Милорадовича – И. Мюрату и т.п. Если французские маршалы могли выглядеть в отдельных сражениях более блестящими и методичными, то русские генералы брали смекалкой, неожиданностью и стойкостью.

На время военных действий изменилось и отношение к подчиненным, они вместе с офицерами несли тяготы военной службы, что спланивало армию. Значительно было сокращено применение такого унижительного дисциплинарного взыскания как шпицрутены, в исключительных случаях применялся расстрел или гауптвахта. Это поднимало у солдат чувство чести.

Блестящую сплоченность и согласованность продемонстрировал корпус Раевского в сражении под Смоленском 4 августа 1812 года. Сам Наполеон вынужден был признать, что это заслонное сражение сорвало

его стратегические планы: хотя он «обошел левый фланг русской армии, переправился через Днепр и устремился на Смоленск, куда прибыл 24 часами прежде, чем русская армия, поспешно отступавшая.15-тысячная дивизия русских, случайно оказавшаяся в Смоленске, имела счастье защищать его в течение дня, что дало время для прибытия Барклая на следующий день. Если бы французская армия внезапно захватила Смоленск, она перешла бы через Днепр и атаковала бы несоединенную и находящуюся в беспорядке русскую армию. Этот большой удар не удался»^{vi}. Характерно, что сам Раевский потерял в этом сражении менее тысячи своих солдат^{vii}.

Не менее инициативно вел себя Раевский в Бородинской битве, в которой его корпус сорвал готовившийся Наполеоном прорыв центра русской позиции и сам перешел в контрнаступление^{viii}. Вообще, Бородинское сражение могло иметь альтернативный вариант исхода. Русские упустили ряд благоприятных возможностей. Пассивная позиция Кутузова не позволила переломить ход битвы. Тот же Раевский сокрушался: «Нами никто не командовал»^{ix}. Поведение Кутузова под Бородино значительно снизило его авторитет у многих военачальников^x. Вообще, миф о преклонении перед Кутузовым в русской армии развеян новой монографией Н.А. Троицкого^{xi}. Единодушное желание русских воинов продолжать сражаться под Бородиным до полной победы было пресечено единоличным приказом М.И. Кутузова об отступлении. В.В. Пугачев придерживался мнения, что фельдмаршал заранее планировал оставление Москвы, а Бородинское сражение дал исключительно в угоду общественному мнению. Аргументы профессора, может быть, пока не имеют достаточной доказательной базы, но представляются достаточно

интересными^{xii}.

Как бы то ни было, потеря Бородинской позиции и, особенно, оставление Москвы на время подорвало дух русской армии. Появились немыслимые ранее массовые случаи дезертирства, мародерства и грабежей. Русское командование вынуждено было прибегнуть к полицейским мерам. Приказом Милорадовича от 4 сентября были созданы специальные сторожевые отряды, контролирующие движение армии, и пресекающие всякие отклонения от установленных порядков^{xiii}. Некоторые дисциплинарные нарушения носили курьезный характер. Во время Бородинской битвы скандально известный Ф.И. Толстой-Американец проявил большую храбрость и был в чине подполковника прикомандирован к 26-й дивизии. Но терпения исполнять новую должность ему хватило ненадолго. Как сообщал в рапорте от 10 декабря Н.Н. Раевский: «неизвестно мне место, куда он отправился»^{xiv}.

Случались, однако, и более серьезные случаи нарушения воинской дисциплины и даже тяжелые преступления. Несколько офицеров пришлось разжаловать в рядовые, а прапорщик Тищенко был казнен за то, что «команду свою превратил в разбойничью шайку и вместе с нею бил и грабил жителей, а некоторых из них лишил даже жизни»^{xv}. Однако русскому командованию удалось в короткие сроки преодолеть признаки моральной деградации и одновременно провести блестящий Тарутинский марш-маневр, проявляя чудеса изобретательности^{xvi}. Трехнедельное пребывание в Тарутинском лагере укрепило русскую армию и значительно подняло ее дух.

Неприятель это хорошо почувствовал под Малоярославцем, где 12 октября пытался пробиться в плодородные южные губернии.

Сначала стойкость Д.С. Дохтурова, а затем массированные контрудары Н.Н. Раевского^{xvii} вбили противника в разрушенные улицы города и остановили его наступление. Наполеон, после раздумья, решил, что продолжение наступления не принесет ему успеха. Его быстрый отход на Смоленск превратился в паническое бегство. Судьба кампании была практически решена.

В заключение можно сделать вывод, что русская армия в 1812 году стала той консолидирующей силой, вокруг которой сплотилось все общество. Самопожертвование и героизм, стойкость и активность, изобретательность и инициативность снискали русским воинам высокую популярность. В борьбе с доселе непобедимым Наполеоном наша армия сумела найти адекватные методы противостояния и, можно сказать, стала решающей силой, обеспечившей гибель наполеоновского нашествия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Попов А.И. «Остервенение народа, Барклай, зима или русский бог? // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С.147-161.

ⁱⁱ Подробнее см.: Пугачев В.В. Подготовка России к войне с Наполеоном // Ученые записки Горьковского ун-та. 1964. Вып. 72. Ч.1.; *Его же*. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. Сборник статей. М., 1962. С.31-46.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф.ВУА. Д.3465. Ч.9. Д.3. Л.178-182об.

^{iv} Симаковский П. Перед войной 1812 года. СПб., 1906; РГВИА. Ф.ВУА. Д..3597. Л.18.

^v Личный архив автора.

^{vi} *Memoires pour servir a l'histoire de France, sous Napoleon, ecrits a Sainte Helene*. P., 1823. T.2. 92-93.

^{vii} Труды МО ИРВИО. М., 1913. Т.4. С.367. См. также: Епанчин Ю.Л. Два сражения генерала Н.Н. Раевского // Военно-исторический журнал. 1987. № 10. С.84-87.

^{viii} См.: Епанчин Ю.Л. Роль седьмого корпуса Н.Н. Раевского в Бородинской битве // Вопросы истории. 1996. № 8. С.144-146.

^{ix} 1812 – 1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. М., 1992. С.218.

-
- ^x См. например: *Епанчин Ю.Л. Н.Н. Раеский и М.И. Кутузов // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2000. Вып. 4. С.68-73.*
- ^{xi} *Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.*
- ^{xii} *Пугачев В.В., Динес В.А. Ю.М. Лотман о пушкинском понимании Барклая и Кутузова // Лотмановские чтения. Саратов, 1998. С.19.*
- ^{xiii} Труды МО ИРВИО. М., 1912. Т.2. С.333.
- ^{xiv} РГВИА. Ф.103. Оп.208а. Св.0. Д.1.
- ^{xv} Труды МО ИРВИО. Т.2. С.333.
- ^{xvi} См. например: *Епанчин Ю.Л. Деятельность генерала Н.Н. Раевского во главе арьергарда в сентябре 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С.108-112.*
- ^{xvii} Вообще, этому военачальнику, как и многим его талантливым коллегам не повезло с адекватным освещением в литературе. См. например: *Епанчин Ю.Л. Жизнь и деятельность генерала Н.Н. Раевского в исторической литературе // Историк и историография. Саратов, 1999. С.30-35.*